

«ПОВЕСТЬ О МИХАЙЛЕ ВОЛКОВЕ» И ЕЕ АВТОР

В 1971 году Кузбасс отметил свое двухсотпятидесятилетие. Огромная область страны с мощной угольной, химической, металлургической, машиностроительной промышленностью, область, на территории которой свободно разместятся несколько европейских государств, называют по праву жемчужиной Советской России.

Дикими, необжитыми, глухими были эти места двести пятьдесят лет назад. Несметные неизвестные богатства таили в себе недра этого края. Трудно было достать их, но уже в те времена власть имущие догадывались о подлинных богатствах Сибири и пытались прибрать их к рукам. Недаром царица Екатерина II собственноручно написала указ, по которому Алтай с прилегающими территориями объявлялся вотчиной первой помещицы России, «землями Ее Императорского Величества».

В XVII—XVIII веках бурно развивалась промышленность в стране, требовалось все больше и больше топлива и металлов. Поэтому и поощрялись государством все изыскательские работы. Петр I даже издал специальные указы по этим вопросам. Нужды же экономики, как всегда, вызвали к жизни открытия. Почти одновременно был открыт уголь в различных районах большого государства: на Дону (рудоискатель Г. Капустин, 1722 г.), в Подмоскovie (крестьянин И. Палицын и рудоискатель М. Титов, 1722 г.) и в Сибири (рудознатец М. Волков, 1721 г.).

Открытие М. Волкова тогда не нашло применения, но именно с него и начинается история угольного Кузбасса.

И сейчас, обозревая мысленным взором все то, что сделано рабочими и крестьянскими руками после свершения Великой Октябрьской социалистической революции в Кузбассе, мы с благодарностью должны вспомнить имя простого русского крестьянина, подарившего соотечественникам несметные богатства нашего края.

По заслугам увековечен народом подвиг этого человека.

На Кемеровском руднике есть пласт имени Волкова, в городе Кемерове есть улица Волкова и площадь его имени, на которой в 1968 году был открыт памятник славному рудознатцу.

На правом берегу реки Томи, в черте города Кемерово, недалеко от того места, где Михайла Волков нашел уголь, поставлен обелиск с надписью: «Первооткрывателю кузнецкого угля Михайле Волкову в день 50-летия Кемеровского рудника. Сентябрь 1957 г.».

«Повесть о Михайле Волкове» впервые вышла отдельной книгой в Кемеровском книжном издательстве в 1960 году, то есть двенадцать лет назад. Она сразу завоевала известность, ее очень охотно читали школьники, молодежь, все, кто интересовался историей Кузбасса. Доброжелательно отнеслась к книге и критика.

История создания повести сложна и длинна, так как задача, которую ставил себе автор, не проста: нужно было правдиво и исторически достоверно воссоздать образ действительно жившего более двухсот лет назад человека, сыгравшего огромную роль в развитии своей страны, и в то же время человека почти безвестного, о котором нашлось лишь два-три свидетельства в исторических документах. Это не был знаменитый в свое время деятель, каждый шаг которого мог бы быть зафиксирован и о деяниях которого писались бы книги — это был рядовой, обыкновенный русский мужик, крестьянин, даже, по дошедшим сведениям, крестьянин крепостной.

И, возможно, удивляться приходится не тому, как мало сведений сохранила о нем для потомков история, а тому, что при существовавшем в тогдашней официальной России пренебрежительном отношении к простолюдину, к крепостному, в особенности, — он даже и за человека-то часто не считался, — все-таки кое-какие сведения, документы остались. Это лишний раз подтверждает важность сделанного Михайлой Волковым для государства.

Михайла Волков, крестьянин, рудознатец, русский человек...

250 лет назад он и его товарищи, такие же простые крестьяне-рудознатцы, писали донесение Горной конторе о результатах своей изыскательской работы в Сибири. Донесение это, к сожалению, не сохранилось полностью; в деле № 35 Уральского архива документ этот не имел начала и конца. Но и то, что сохранилось для потомков, чрезвычайно интересно и важно: «...которая руда свидетельствована на Москве нашего прииску, взята вверх по Оби, по реке Алею (до которого ехать от Томска 2 недели). Не поехали с Бривцыным и Петровым, опасаясь орды калмыков, кочевавших по Алею, и степи выгорели, корму мало, зимовать нельзя. Волков заявлял по Томи в 7 верстах от Верхо-Томского острога горелую гору от 20 сажень высоты»...

Документ даже в отрывке дает представление о невероятно

трудной работе изыскателей: здесь и бездорожье, и бескормица, и огромные расстояния, которые нужно было преодолевать через тайгу, болота, непроходимые горы, и опасность для жизни со стороны кочевников-калмыков — так о многом было написано в столь малословном документе. Кратко и просто об огромных трудностях, которые пришлось преодолевать каждый день. Но особенно примечательна последняя фраза документа. «Волков заявлял по Томи в 7 верстах от Верхо-Томского острога горелую гору от 20 сажен высотой» — ведь это речь об открытии каменного угля в Кузбассе и о приоритете этого открытия Михайлы Волкова.

Кажется, ясно все в документе, но долго еще велись споры, кто же первый открыл уголь бассейна, названного впоследствии Кузнецким. Среди ученых, пользовавшихся различными источниками, многие придерживались мнения, что открытие это сделали академик Мессершмидт, наблюдавший «горение земли у абинских татар» в 1721 г. (сейчас Леничск-Кузнецкий район), или академик Гмелин, тринадцать лет спустя после открытия угля Волковым описавший подземный пожар «вследствие горения смолистой земли грунта», или иностранные путешественники Фальк, Ренованц и другие, побывавшие в Сибири, в тех местах, где вели разыскания Волков с рудознатоцами Степаном Костылевым и Федором Комаровым.

Лишь более тщательное изучение документов, исторических свидетельств прошлого (о которых здесь, пожалуй, рассказывать и долго, и сложно, и неуместно) дало основание достоверно подтвердить приоритет рудознатца Михайлы Волкова. Но для этого нужно было много времени и сил.

Журналист Виталий Рехлов, в областной газете читавший первые сообщения о Михайле Волкове и заинтересовавшийся судьбою этого человека, не мог предположить даже, как далеко заведет его этот интерес, как увлечет дни и ночи в течение многих лет просиживать над архивными документами, историческими исследованиями, старинными описаниями сибирских заводов, как заставит сопоставлять скучные сведения о жизни рудознатца со всеми извлеченными из книг знаниями о той эпохе.

В этих поисках В. Рехлову помогали библиотеки Кемерово, Томска, Новосибирска, Москвы, Ленинграда. Многие уникальные статьи и книги приходилось переписывать от руки... Три года изучения документов той эпохи. Все яснее и яснее становилось то суровое время, в которое жил рудознавец, все ближе и понятнее сам образ этого русского человека, все зримее — его жизнь. От познания к художественному домыслу, так шла мысль исследователя, журналиста. Возникали первые главы исторической повести.

В одной из своих статей Виталий Рехлов писал о том, какой ему представлялась та эпоха: «XVIII век. Твердой рукой Петр I ломал сопротивление и косность боярскую, заводил передовую по тем временам армию, строил заводы, рудники, во все концы страны слал сведущих людей, поощрял рудознатцев. В широко обнаруженном в 1719 году указе царя говорилось: «Соизволяется всем и каждому дается воля какого бы чина и достоинства ни был, во всех местах как на собственных, так и на чужих землях искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, також и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок, потребные земли и каменя, к чему каждый толико промышленник принять может, колико тут завод и к тому подобное иждивение востребует».

Необъятные просторы плодороднейших земель, могучие реки, тысячеверстные пространства нетронутых лесов раскинулись за Уралом... В то время еще только семьдесят лет прошло с тех пор, как первые смелые землепроходцы Хабаров, Поярков с товарищами вышли к берегам Тихого океана. Многие еще только узнавалось во вновь открытых местах, шло знакомство с природными богатствами.

А на просторы Сибири стремились все новые и новые любознательные русские землепроходцы, и одним из таких человеком, в совершенстве знающим свое дело, был и Михайла Волков. Отдельные штрихи всех трех архивных документов, касающихся рудознатца, говорят об этом неопровержимо». И дальше следует ряд действительно трудноопровержимых доказательств того, кто такой Михайла Волков, как он жил и каким был человеком. По этим публицистически страстным высказываниям чувствуется, как дорог и близок стал крепостной крестьянин Михайла Волков советскому журналисту Виталию Рехлову. Он пишет:

«Время объективно определяет значимость исторических событий. Отмечает малоценное, крупным планом показывая все заслуживающее внимания потомков. Через века, через историческую даль нам теперь особенно ясно видно, сколь значителен подвиг рудознатца и как дальновидно он поступил... Мало сведений сохранила история о первооткрывателе каменного угля в Кузбассе, редкими вехами обозначают они малый отрезок жизненного пути и деятельности рудознатца, но, дополненные даже отрывочными сведениями о делах его спутников, позволяют верно судить о самоотверженности простого русского человека Михайлы Волкова, ясном понимании всей важности разведок новых полезных минералов, его настойчивости в достижении цели».

Трудно было создавать книгу о Михайле Волкове, но автор уже

успел всем сердцем привязаться к своему герою, и это чувство помогло журналисту создать свою первую книгу. И не только к Михайле Волкову чувствовал большую симпатию В. Рехлов — с юношеских лет история, особенно история Сибири, с которой он был, если так можно выразиться, родственно связан, волновала его.

В. Рехлов родился в 1914 году в старинной сибирской деревне на Енисее. В семье Рехловых из рода в род передавалось предание, «что пра-пра-прадед за участие в стрелецком бунте при Петре I был пытан в застенках в Москве и сослан в Сибирь». От пыток раскаленными клещами один бок у него «стал толстым». Поэтому в родной деревне к фамилии Рехловых прибавляли еще кличку «Толстобоковы». Любовь к старине поддерживалась в семье матерью, большой мастерицей «сказывать сказки», былины, любительницей меткого народного слова. От деда Виталий многое узнал об алтайских рудниках и заводах, о жизни рабочих, о горных мастеровых бергалах.

В XVIII веке, когда сибирские территории, которые сейчас называются Алтаем и Кузбассом, вместе с населяющими их крестьянами стали собственностью царской фамилии, крестьяне были приписаны к железным, серебряным рудникам, которых уже было несколько тогда, а затем и к заводам — Томскому железодельному и Гавриловскому сереброплавильному. Мужское крестьянское население с 7-летнего возраста обязано было работать рудоразборщиками на рудниках, а с 18 лет юноши по рекрутскому набору после принятия воинской присяги вместо службы в армии направлялись для пожизненной работы на царские рудники и заводы.

Содержались мастеровые в тяжелейших условиях полуказарменного горновоенного строя. За малейшую провинность в деле били шпицрутенами, морили в заводских тюрьмах; слободки мастеровых охранялись будочниками «для отвращения непристойных и продерзостных поступков». Жалованья хватало лишь на выкуп муки для семьи. Мастеровые бежали в тайгу, но укрыться удавалось немногим. Беглецов ловили, прогоняли сквозь строй и по выздоровлении приставляли к той же ненавистной работе.

Эти рассказы навсегда врезались в память мальчика.

Годы юности Виталий Рехлов провел в Петрозаводске, у родственников. И там поражали его рассказы потомственных рабочих о старине — Онежско-Петровских железодельных и оружейных заводах. История все более привлекала к себе юношу. А жизнь звала в будущее. В 1930 году В. Рехлов возвращается на родину, вступает в колхоз. По комсомольской мобилизации работает в шахте, потом учится в Кемеровской школе ФЗУ при химзаводе. И

здесь ему довелось не раз услышать об алтайской горнозаводской старине, о подневольном труде приписных.

«А если попробовать написать об этом?» — думает юноша.

«Не выдержав искушения, взялся за карандаш. Несколько месяцев, недосыпая, пытался изложить на бумаге все слышанное от дедов... в конце концов должен был признаться, что ничего у меня не выходит. Да иначе и не могло быть. Ни русского языка толком не знал я, ни истории русской. Да и общий-то запас знаний был ничтожно мал», — рассказывал В. Рехлов. Этот замысел ему удалось осуществить лишь через двадцать пять лет.

Жизнь комсомольца В. Рехлова была интересной, насыщенной большими событиями и встречами с людьми. С 1934 года он стал работать в газетах Сибири — «Советской Хакасии», «Красноярском рабочем» и других. Хотелось побольше узнать, везде побывать.

В 1940 году В. Рехлов стал работать в Таймырской окружной газете. Однажды выехал по заданию редакции и попал в затяжную пургу. После этого тяжелая болезнь на долгие годы приковала его к постели. Он не сдавался, упорно лечился. Включался в активную жизнь, как только появилась возможность двигаться. Но ходить становилось все труднее, и он возвращается к своим юношеским замыслам, к изучению истории.

В 1956 году был написан первый вариант повести о Михайле Волкове. Через год он появился на страницах альманаха «Огни Кузбасса», а затем издательство предложило готовить рукопись для издания отдельной книгой. Еще полтора года кропотливого труда — и рукопись сдана в издательство. В 1960 году она выходит в свет.

Работа в архивах, с историческими документами не прекращалась. Он пишет повесть о малолетних рабочих, нещадно эксплуатируемых на рудниках Алтая, «Горные рекруты». Книга выходит в Кемерове в 1962 году под редакцией известного советского писателя Н. Устиновича. В 1963 году В. С. Рехлов был принят в Союз писателей СССР. В том же году он заканчивает повесть «Серебряный рудник», являющуюся продолжением «Горных рекрутов». Затем работает над повестью о гражданской войне в Кузбассе. Планы писателя большие: показать потомков старых сибирских рабочих — современный рабочий класс.

Л. ГЛЕБОВА

Дорогой
Людмила Владимировна
- доброй ночи
С любовью и уважением
Виктор Рязов

24/11/72
Кемерово



Л.В. Шабалин
на добрую память
В. Рехлов

31/x-60